

Mrázek, Roman

Предмет, цель и общая методология труда

In: Mrázek, Roman. *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков : исходные структуры простого предложения*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, c1990, pp. 7-11

ISBN 8021002042

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/122537>

Access Date: 29. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

I. ПРЕДМЕТ, ЦЕЛЬ И ОБЩАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ТРУДА

1 Предлагаемый труд представляет опыт сравнительного синтаксиса исходных, т. е. ядерных, структур (схем, моделей) простого предложения. В нем рассматриваются элементарные построения со спрягаемой формой глагола, пусть даже имплицитной, но парадигматически выявляемой, напр. р. *Он (Ø, был, будет, был бы) весел; Нам (Ø, было, будет, было бы) весело*. Задуман данный труд как первый том Сравнительного синтаксиса славянских литературных языков, в последующих томах которого предусматривается рассмотреть также и неядерные (гл. обр. производные) структуры, далее внутреннее строение предложения, сложное предложение и важнейшие явления по синтаксису текста.

Предметом настоящей работы является сравнительное освещение основных, типовых построений, характерных для нынешнего славянского языкового ареала. На переднем плане притом стоит описание самого языкового материала, со стремлением вскрывать системные сходства и расхождения между языками. Теоретические же рассуждения (на протяжении всего произведения, как и в следующих вводных главах) сведены до минимума. В основе всей нашей трактовки структур славянского предложения лежит принцип деривационного синтаксиса: любое конкретное высказывание так или иначе соотносительно с тем или иным исходным, ядерным предложением-конструктом. А последнее характеризуется немаркированными, „примарными“ параметрами, какими оказываются: аффирмативность, повествовательность, примарность морфологического оформления партиципантов, неpassивная диатеза, отсутствие субъективной эксплицитной модализации, фазизации и эмоционализации, объективный словопорядок. Более подробно об этом речь идет ниже, § 18.

2 Настоящий том сравнительного синтаксиса ставит своей целью внести вклад в диахронически движущийся контекст существующих синтетических опусов, посвященных сравнению синтаксиса славянского предло-

жения. А опусов этих, как это ни странно, относительно мало. Это стоит в контрасте с большим количеством программных статей и проектов, дающих рекомендации по созданию подлинно современных, подлинно научных цельных обработок синтаксиса либо отдельно взятого языка, либо всех языков данной группы в их совокупности. Теория пережила здесь вообще за последние три десятилетия немало существенных сдвигов и веяний. Эффективно это скорее тормозило создание цельных, крупных работ, поскольку много времени неминуемо уходило на ознакомление с важнейшими новыми и новыми концепциями, на методологические проблемы. Разумеется, нам важно реализовать на широком славянском материале все неоспоримые, оправдавшие себя уже достижения современной синтаксической теории, и тем самым способствовать более точному познанию синтаксической системы наших языков.

3 К числу положительных моментов, уцелевших от всего изменчивого теоретического брожения последних десятилетий, относятся особенно такие, как: различие глубинной и поверхностной структур предложения, с факультативным привлечением трансформационных операций и с выявлением синтаксической синонимии; разумный учет „генеративной истории“, т. е. степени первичности или производности любого конкретного построения, равно как и учет числа предикативных единиц (пропозиций, баз), лежащих в глубинной основе данного построения; стремление сочетать аспекты формальные с аспектами семантическими, признание приоритета за сообщаемым содержанием; наконец, некоторые требования, касающиеся конзистенции привлекаемого фактического материала (как правило, только из литературных современных языков) и применяемых частных приемов его описания. Значительное распространение в последние годы получила концепция „семантического синтаксиса“, строящаяся на доминирующей роли предиката, его интенции и валентности. Однако в этой связи необходимо возразить, что под семантикой подобного толка обычно понимают прежде всего установление классов, групп и подгрупп предикатов с одинаковым количеством и внешним обликом партиципантов, в пределах одних и тех же схем коммуникатов. Такое семантическое направление вряд ли может считаться вполне убедительным, поскольку тогда перед нами уже встает скорее компетенция лексикологии и лексикографии (словари валентностей предикаторов). А между тем для сравнительных целей гораздо важнее вскрывать специфичность соответственных конструкций в целом. В частности: в рамках наиболее обычных и частых коммуникатов, сообщающих о действии субъекта-подлежащего, ничего существенного на самой конструкции не меняется ни в зависимости от того, „обрастает“ ли предикат нулевым правовалентным определителем, или одним фактическим определителем, или двумя, тремя определите-

лями, ни в зависимости от того, какой морфологический облик получают эти определители.¹

4 Весь предлагаемый том зиждется прежде всего на собственной выборке из текстов (преимущественно художественной литературы) всех 12 славянских современных литературных языков. Тринадцатый язык, кашубский, остался в стороне, по той причине, что он в смысле литературности занимает теперь своеобразное положение (см. Stone 1972). Кроме того, часть примеров была заимствована из грамматических и лексикографических трудов этих языков, а также из ряда иных вторичных источников. Определенное количество иллюстративного материала было приобретено путем консультаций с лингвистами-носителями отдельных славянских языков. Автор считает важным, чтобы вся документация соответствовала истинному положению вещей в нынешней литературной норме. Поэтому в стороне оставляются, как правило, примеры нелитературные (диалектные, устарелые, просторечные и проч.). Если же в спорадических случаях по необходимости указывается нелитературный пример, то он особо оговаривается, подобно как и другие стилистически маркированные конструкции снабжаются соответственной пометой. Особая ситуация возникла в связи с экземплификацией из чешского и русского языков: первый из них известен автору как его родной язык, а синтаксисом последнего языка автор занимается в течение многих лет, так что ему можно было черпать документацию из многочисленных своих фондов, пополняя ее при случае заимствованными примерами разного происхождения. Эксплицитная авторизация приводимых примеров указывается лишь постольку, поскольку сильно дает себя знать их первичная принадлежность к художественному или иному книжному тексту.² Разумеется, в целях наглядности и краткости изложения длинные оригинальные примеры из литературы подчас подвергаются редукции.

5 Описание ядерных структур в предлагаемой книге исходит из приоритета сообщаемого содержания. Дело в том, что одинаковые структуры денотативных ситуаций получают при сообщении — начиная с пропозиции и вплоть до реализации данного конкретного сообщения — в разных славянских языках зачастую неодинаковое структурно-конструктивное оформление. Иными словами: общность содержания (глубинной структуры и денотативных значений) тогда отражается в виде разности

¹ Что до новейшего направления в синтактологии, характеризуемого выдвижением на первый план концепции иллокутивных актов (коммуникативно-речевых функций) или концепции взаимодействия с прагматической направленностью коммуникатов, то достаточно сослаться лишь на то, что в настоящем томе, на уровне предложений с немаркированными коммуникативными параметрами, это направление не может найти себе непосредственного применения.

² В первоначальной рукописной версии почти все примеры были снабжены авторизацией. Однако в целях экономии места, да и по соображениям избыточности подобного приема у большинства примеров мы затем решили отказаться от последовательного указания источников экземплификации.

морфолого-синтаксической стилизации (поверхностной структуры и сигнификативных значений). Противоположный подход к подаче материала, т. е. имеющий в своей основе примарно саму форму, саму внешнюю типовую конструкцию, был бы при сравнительном синтаксическом синтезе гораздо менее эффективен.

Содержательная сторона сообщения представляет (при определенном обобщении и отвлечении от единичного лексического наполнения) синтаксическую семантику этого сообщения. Как уже было сказано, семантика предложения стала излюбленным, руководящим аспектом в теории синтактологии последних лет. Предпринимались попытки выявить, классифицировать и подсчитать все общие типы мыслительных содержаний (отражающих денотативные, вернее, референтные ситуации) и соответствующих семантических „ролей“ партиципантов. Здесь можно, пожалуй, по-разному обобщать, генерализировать. При весьма детальной стратификации число типовых семантических содержаний исчисляется даже десятками (ср., напр., Zimek 1980, с. 139 сл.). Однако на основании нашей многолетней эмпирии со славянским синтаксическим материалом нам представляется, что вполне достаточно довольствоваться более высокой степенью абстракции и выделять всего лишь пять классов синтактико-семантических значимостей исходных структур, т. е. пять классов предципируемых содержаний. Именно такая трактовка и положена в основу изложений в этой книге. В частности, речь идет о предципировании: (1) действия в самом широком смысле, (2) обладания, владения (поссиденции и пертиненции), (3) экзистенции, (4) качества в широком смысле, (5) количества. Эти общие классы находят свою полную реализацию лишь в структурах с левовалентным партиципантом (т. е. подлежащим), в то время как в структурах без такого партиципанта могут предципироваться только два класса отмеченных признаков — действие (напр. р. *Стемнело, Меня знобит*) или качество (р. *Уже темно, Нам здесь приятно*). Что же касается разновидностей левовалентного партиципанта предиката ядерных построений (или же „исходного пункта предципируемого содержания“), то, на наш взгляд, достаточно различать две возможности: (1) агенс (деятель), т. е. производитель целенаправленных (финальных) действий, (2) манифестанс, т. е. производитель всех любых прочих признаков (напр. р. *Бабушка дремлет, скончалась, больна, сейчас у дочери; Липа цветет; У них богатый опыт*). Естественно, что при этом имеются в виду лишь семантические роли, находящие свое отражение в той или иной синтаксической позиции исходных, элементарных образований, т. е. с примарной грамматической презентацией. Обобщающее обозначение для агенса и манифестанса может быть следующее: эффициент предципируемого признака (иначе: производитель, эмиттенс, денотативный субъект, инфрасубъект). Все эти вопросы затрагиваются еще ниже при зарисовке внутренней композиции книги, как и попутно при подробном сравнительном описании самого материала.

6 Одно дело ясно: какими остроумными бы ни были любые попытки выдвинуть новую, „нетрадиционную“ трактовку всего инвентаря исходных славянских предложений, все-таки в конце концов нельзя не признать их принципиальной дихотомии: (а) с наличествующим эффициентом, получающим форму им. пад. (изредка также род. пад.) в позиции грамматического подлежащего (структуры подлежащные), (б) без эффициента вообще (ср. р. *Уже рассвело*) или с эффициентом, получающим иное формальное обличие (ср. р. *Метелью намело глубокие сугробы*) (структуры бесподдежащные). И намеченные нами выше пять основных классов предикатов, по сути дела, перекликаются с традиционным, зарекомендовавшим себя расчленением сказуемого на глагольный (сюда входит предидирование действия, обладания и экзистенции) и именной (он охватывает предидирование качества и количества).

II. ИМЕЮЩИЕСЯ СИНТЕТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ СЛАВЯНСКОМУ СИНТАКСИСУ

7 Численность синтетических трудов, обрабатывающих комплексно синтаксис простого и/или сложного предложения всех славянских языков, оказывается весьма органиченной. Притом крупные описи, снабженные богатым материалом, возникали прежде всего в связи с господством младограмматизма. А теоретические свершения, связанные с наступлением структурного языкознания и исходящих из него различных ответвлений, вплоть до последнего времени, были почему-то менее благоприятными для создания подобных сводных синтезов. Появлялись, с одной стороны, некоторые парциальные сравнительно-исторические и сравнительные монографии или очерки и статьи, а, с другой стороны, проекты и программные рекомендации, подкрепленные минимальным документальным материалом. Их авторы сами лишь в виде исключения готовы были продемонстрировать свои идеи на кропотливой эвристической практике с привлечением текстовых явлений всех славянских языков, воплотив их в цельных, синтезирующих трудах. Ниже будет еще обосновано, что от сравнительно-исторических трактовок славянского синтаксиса развитие синтактологии продвинулось вперед, признавая теперь полную автономность и оправданность подачи синхронно-современного компаративистского среза актуального состояния по отдельным языкам. Ввиду общей малочисленности, и даже недостаточности интегральных обработок сравнительного синтаксиса славянского предложения, предлагаемая книга может содействовать выполнению одной из насущных задач сравнительной славянской синтактологии.